

КОНТЕКСТУАЛИЗМ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, ординарный профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 105066, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; e-mail: vnporus@hse.ru

В статье предлагается распространить действие принципа контекстуализма на философию науки. Последняя рассматривает науку во всем многообразии ее аспектов (как форму культуры, институт, экономическое предприятие, специальный вид интеллектуальной коммуникации и др.). В каждом из этих аспектов философия науки вычленяет контексты, имеющие значение при решении вопросов о генезисе, развитии и функционировании знания. При этом происходит сложное взаимодействие между философским и специально-научным анализом этих контекстов. В этом процессе сосредоточивается узел противоречий, которыми должна заниматься философия науки, переходя от контекстуализации проблем науки к проблематизации (философской) самих контекстов. В разрешении таких противоречий – перспектива развития современной философии науки.

Ключевые слова: контекстуализм, философия науки, эпистемология, истинность, объективность, прагматизм, рациональная реконструкция

CONTEXTUALISM IN PHILOSOPHY OF SCIENCE

Vladimir N. Porus – DSc in Philosophy, professor. National Research University “Higher School of Economics”. Staraya Basmannaya Str., 21/4, Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: vnporus@hse.ru

The author discusses the possibility of spreading of the contextualism principles into the field of philosophy of science. He argues that, while discovering science in all of its aspects (viz. cultural, institutional, economic, communicative, etc.), philosophy of science identifies the relevant contexts for justifying the genesis, development, and reproduction of knowledge. Meanwhile, there is a complex interaction between philosophical and scientific analysis of these contexts. The author claims this process gives raise for a conflict which comes from the contextualization of science and the philosophical analysis of these contexts. The author shows that the resolution of these conflict could open new prospects for the modern philosophy of science.

Keywords: contextualism, philosophy of science, epistemology, verity, objectivity, pragmatism, rational reconstruction

Контекстуализм – термин без строгого определения. В эпистемологии он фигурирует на правах «базисной метафоры» и требует прагматистского понимания истины [Касавин, 2008, с. 225]. Его метафорический смысл в том, что познавательное действие рассматривается как некоторое событие, на возникновение, ход и результат которого влияет его контекст (условия, в которых оно происходит, причины, цели «актора», оценки его ближайшего окружения и т. д.). Эта метафора,

восходящая к работам Дж. Дьюи, переводит обсуждение вопроса об истинности знания, получаемого в этом действии, в колею прагматизма. Истинностная оценка знания, если она зависит от контекста познавательного акта, должна меняться вместе с этим контекстом. Более того, сама постановка вопроса о том, истинно ли данное знание, взятое вне контекста, в котором оно получено и признано таковым, в таком случае становится невозможной. Дьюи выступал против философских концепций, которые исходили из непосредственного сопоставления знания и реальности, называя их «эпистемологиями», возвращая греческой «эпистеме» ее первоначальный смысл и одновременно реабилитируя «доксу» – знание без претензий на независимое соответствие с реальностью. Сегодня, когда эпистемология уже стала «исторической» и «социальной», этот смысловой нюанс утратил свой полемический заряд, и мы можем называть прагматистский подход к истине «эпистемологическим», если понятно, о чем идет речь.

Дьюи и его последователи в теории познания исходили из того, что «внеконтекстуальное» сопоставление знания и реальности невозможно и, если эта невозможность «оптимистически» игнорируется, приводит к скептицизму. Они видели перспективу развития представлений о познании в том, чтобы рассматривать всякое познавательное действие как решение определенной проблемы в конкретной ситуации. «Мы настаиваем на том, что познавательные акты никогда и нигде нельзя отделить от ситуаций, в которых находятся познающие – это две стороны одной и той же медали» [Dewey, Bentley, 1949, p. 115]. Тем самым теория познания трансформировалась в методологию исследования: мерилom успешности метода является его способность разрешать поставленные исследовательские задачи. Сосредоточив внимание на этой стороне дела, прагматистский контекстуализм, по выражению Т.И. Хилла, «перегнул палку» [Хилл, 1965, с. 356]: получалось так, что результаты исследования зависят исключительно от самого же исследования; исследуемый объект создается и пересоздается последним. Такой отказ от опоры на «независимую», читай «объективную», реальность, свойственный прагматизму, волновал его многочисленных критиков, придерживавшихся «реалистических» взглядов.

Собственно говоря, внимание к контексту познавательных действий само по себе еще не ведет к прагматизму. Оно может интерпретироваться и в реалистическом ключе: как требование «конкретности истины», диктуемое уверенностью в том, что влияние контекста на результат познания, будучи выяснено, может быть учтено и затем элиминировано. Например, так может пониматься требование воспроизводимости результатов эксперимента: повторяя уже известный опыт, исследователь отвлекается от элементов ситуативного контекста, какие выводят его внимание из фокуса, образованного теоретической моде-

лью, которой он пользуется для интерпретации своих результатов. Поэтому исследовательские ситуации можно условно разделить на группы по возрастанию (или убыванию) влияния контекста на результаты исследования. Так, в психологических исследованиях (особенно интроспективных) воздействие контекста элиминировать трудно, а часто и невозможно; кроме того, само это воздействие может вызывать исследовательский интерес и, будучи учтено, способствовать разрешению познавательных затруднений. Контекстуальные факторы имеют первостепенное значение при воспроизводстве технологических результатов¹, в педагогике, различных отраслях медицины, в социологических и политологических исследованиях. Напротив, в математическом естествознании (например, в теоретической физике) требование элиминации контекста эмпирического исследования выступает как основной принцип методологии. Когда устройство математической физики было признано идеальной моделью научного знания как такового, это дало основание Г. Рейхенбаху сформулировать деление на «контекст обоснования» и «контекст открытия»: первый объявлялся полем действия «нормативной» философии науки (рисовавшей образ «правильной», отвечающей требованиям эмпирического обоснования, науки), а второй отдавался на откуп дисциплинам, занимавшимся психологическими, социологическими или историческими аспектами научно-познавательных ситуаций. Обоснованным считалось знание, структура которого походила на здание, установленное на фундаменте эмпирии: между фундаментом и верхними «этажами» устанавливалась связь, эксплицируемая логическими операциями (редукцией теоретических терминов к эмпирическим, раскрытием логики перехода от наблюдаемых фактов к теоретическим генерализациям и т. п.). Эта метафора занимала исследователей довольно долго, множество усилий было затрачено на то, чтобы она превратилась в программу обоснования научного знания, пока не выяснилось, что такая программа, вообще говоря, невыполнима, а в тех случаях, когда ее частичное выполнение все же оказывалось возможным, оно было практически бесполезным.

Затем деление контекстов утратило приданный ему неопозитивистами смысл. В «контекст обоснования» были включены факторы социального и психологического планов. В «контексте открытия» стали отыскивать «технологии открытий и изобретений», т. е. разрабатывать эвристические концепции, позволявшие представить научное и техническое творчество как процесс, подлежащий рациональной реконструкции [Майданов, 2007].

¹ Это было подчеркнуто, например, М. Полани, называвшим знание, полученное в инженерных и технозависимых исследовательских ситуациях, «молчащим» (*tacit knowledge*), т. е. таким, которое передается только через «личностное» включение познающего в контекст его производства, поскольку никакая трансляция результатов в стандартных вербальных или знаковых формах не способна обеспечить их адекватное воспроизводство [Полани, 1985].

Как бы то ни было, перекрещивание обоих контекстов изменили поле исследований «философии науки». В это поле включались процессы, связанные с функционированием научных институтов, становлением и развитием научных школ, конкуренцией между ними, изменениями, которые вносились в науку политическими, экономическими и технологическими факторами. Собственно философский анализ этих процессов наполнялся содержанием, почерпнутым из науковедческих исследований. В связи с этим философию науки стали трактовать как комплексную междисциплинарную программу, в которой собственно философская проблематика выступала как совокупность исследовательских задач, решаемых специально-научными методами².

Философская составляющая в такой междисциплинарной программе проблематична: философских концепций много и они различаются, помимо прочего, своими представлениями о науке. Если науковедческие исследования включают в себя и философский анализ, то это сказывается на характере этих исследований, на выборе приоритетных проблем, на интерпретации науковедческих данных. Иными словами, какова философия, таково и науковедение, принимающее эту философию. Подобный «плюрализм» может вызывать недоверие у исследователей, и потому некоторые из них, вероятно, могли бы перефразировать халифа Омара: если философия науки говорит то же, что науковедческие дисциплины, она излишня, если противоречит им – вредна.

Однако философия науки, как правило, включается в круг науковедческих дисциплин, и это нельзя считать лишь данью традиции. Большинство исследователей сходятся на том, что философия позволяет построить целостный образ науки в его динамике, а также в совокупности его функциональных связей с культурой в ее историческом развитии. Без ее участия этот образ распадается на мало связанные и плохо сочетаемые друг с другом фрагменты и аспекты.

Это участие не следует понимать как подмену «философскими рассуждениями» результатов науковедческих исследований. Но построение целостного образа науки невозможно без рефлексии над этими результатами. Собственно участие философии науки в междисциплинарном исследовании науки и заключается в этой рефлексии, а также в установлении связей между отдельными дисциплинами, когда их данные рассматриваются сквозь призмы философских моделей научно-познавательного процесса.

² Такое понимание характерно, например, для международного журнала «Science in Context», издаваемого в Cambridge University Press, в котором преобладают статьи по истории, социологии, психологии науки, где раскрываются многообразные связи между наукой, техникой, экономикой, политикой и т. п. Собственно философские разработки контекстуалистского подхода к науке в основном касаются динамики научного знания в многофакторном социокультурном пространстве.

Эпистемологический контекстуализм и выступает как одна из таких призм. Он заключается в ряде вопросов, предъявляемых знанию о науке, и в рефлексии над тем, как науковедческие дисциплины отвечают на эти вопросы.

Среди этих вопросов важнейшими можно считать следующие:

– если одни и те же познавательные действия принимают различные смыслы в зависимости от контекстов, в которых они фигурируют, то необходимы критерии сравнения этих смыслов: какие из них следует считать адекватными, и что понимается под адекватностью в каждом контексте;

– как достигается взаимопонимание коммуницирующих субъектов научного познания, особенно в тех случаях, когда они разделены различными «понятийными каркасами» и нет прямых, поддержанных общезначимым опытом, способов взаимного перевода этих *frameworks*;

– осуществима ли, и если да, то до каких пределов, редукция различных познавательных контекстов к некоторому «фундаментальному уровню», на котором различия между ними могут нивелироваться или игнорироваться;

– в каких случаях внимание науковедов к контекстам познавательных ситуаций особенно обострено; вызвано ли это обострение характеристиками самих ситуаций или же оно свидетельствует лишь о предпочтениях исследователей определенным ракурсам рассмотрения этих ситуаций;

– возможно ли критериальное определение того, что называют «научной рациональностью», если к самому этому понятию применяется контекстуальный подход; несомненно, с этим связаны и вопросы о возможности применения к научному знанию критериев объективности и истинности в их классическом смысле [Касавин, 2008, с. 218].

Все эти вопросы имеют философское содержание. Пока это так, философия остается основным участником науковедческих дискурсов. Это несколько не умаляет роли специально-науковедческих дисциплин. Напротив, наполнение результатов, достигаемых их методами, философским смыслом, раскрывает новые перспективы исследований, рефлексии и вопрошания.

* * *

Эпистемологический контекстуализм предполагает типологизацию различных контекстов познавательной деятельности. Она может быть рассмотрена в лингвистическом и герменевтическом, историко-культурном, психологическом и социально-психологическом и др. контекстах. Такое рассмотрение правомерно и для научного познания. Но, как уже было сказано, философия науки «вбирает в себя» не

только эпистемологический взгляд на науку, но и понимание науки как исторически развивающейся формы культуры, специальной формы институциональной коммуникации, экономического предприятия, образовательной деятельности, политической активности и т. п. А значит, контекстуализм, будучи распространен на эти смыслы и аспекты науки, получает более широкий спектр методологического применения.

Исторический контекст

Соотношение истории науки и философии науки – одна из острых проблем. Ее стержень – выяснение роли, какую играет историко-научный подход в понимании того, чем является (или чем не является) наука в современном ее понимании. Известный афоризм И. Лакатоса «философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [Лакатос, 2008, с. 201] от частого цитирования поистерся и утратил свой полемический смысл. Его стали трактовать как плоское утверждение о необходимости взаимного дополнения и взаимной же проверки на адекватность и результативность исторического и философского исследования по отношению к науке. Но такая идиллическая взаимность далеко не всегда осуществима, а насильственное «втискивание» исторического материала в философско-методологические схемы развития (или роста) научного знания оставляет нерешенными вопросы о принципах, на которых стоит наука.

Современная философия науки уже не сомневается в том, что давно известно историкам науки: наука находится в процессе постоянного изменения, которое нельзя обрисовать с помощью «кумулятивистских» картинок – как накопление новых истин и отбрасывание устаревшего или опровергнутого содержания [Agassi, 1975]. Движение науки – процесс многофакторный. И во множестве факторов, определяющих направление и интенсивность этого движения, присутствуют не только внутренняя логика и организованный научным методом опыт. В него входят интеллектуальные традиции, государственная политика и экономические условия жизни, развитие техники и производства. Эти факторы находятся в сложном взаимодействии, и иногда их действие направлено друг против друга. Наука – не башня, о стены которой разбиваются волны житейского моря, а участник общекультурного процесса. «Если это понято, открывается прямой путь к рассмотрению науки как стержня нашей культуры, находящегося под влиянием всех иных ее участников. Важно понимать науку не в изоляции, а в неразрывной связи с культурой. Философ не должен играть роль привратника, стоящего у порога культуры и не пропу-

скающего через него все то, что не соответствует научному уровню. Философии (занимается она наукой или иным аспектом культуры) не чуждо ничто человеческое» [Agassi, 1996, p. 18].

Все так, но философии науки мало этого признания. *Human understanding* (так назвал свою книгу Ст. Тулмин, один из разработчиков так называемой «эволюционной модели» развития научного знания [Тулмин, 1984]) складывается во взаимодействии различных факторов, в том числе и тех, которые ответственны за принятие или отвержение исследователями научных идей, но не всегда могут считаться «когнитивными» или «внутренними», т. е. принадлежать «логике научного исследования». Проблема «человеческого понимания» включает в себя вопросы психологии восприятия, формирования навыков, благодаря которым люди могут не только понимать, но и изменять свое понимание. А это означает, что в круг интересов философии науки входят все контексты, в которых такие навыки образуются и трансформируются. И разбираясь в этих контекстах, философия науки вычленяет так называемые «матрицы понимания», которые позволяют объяснить, как то, что понято на основании матриц, объявляется рациональным.

Исторические контексты научного познания становятся тем полем, которое обрабатывается философией науки. Но что можно вырастить на этом поле? Во всяком случае, не теорию *прогресса* науки. Направление прогрессивного развития научного знания нельзя определить на основании какой бы то ни было эволюционной концепции. Самое большее, чего можно от нее ожидать, это указания на то, что различные этапы «эволюции понятийных популяций» характеризуются различными матрицами понимания, а в формировании таких матриц участвуют культурные факторы, которые изучаются социологией, культурологией, историей науки, социальной психологией и другими науками о человеке и обществе. Это, разумеется, не согласуется с представлениями о рациональности научного знания, как о том, что отвечает определенным, не зависящим ни от каких контекстов, критериям (логичность, систематичность, эмпирическая адекватность и пр.). Но если есть дилемма: сохранить верность общезначимым «критериям рациональности» или попытаться изобрести какую-то иную «теорию рациональности» – то такие контекстуалисты, как Тулмин, предпочтут второе. Станет ли успешной такая теория? Поиски «гибкой», т. е. приспособляющейся к исторически изменчивым контекстам, рациональности продолжаются по сей день, но вряд ли можно сказать, что здесь имеет место какой-то очевидный прорыв. А упреки в релятивизме и даже иррационализме, которые в свое время сыпались на Тулмина [Toulmin, 1976, p. 660–661], мало изменились с тех пор.

Возделывая «поле исторических контекстов», философ науки рискует: плоды, которые он надеется собрать, могут оказаться небезвредными для привычного употребления. Это понял, например, И. Лакатос.

Реальная история науки, заявил он, должна играть роль пробного камня для любой методологической концепции. Если рациональные реконструкции этой истории вступают в противоречие с историческими фактами, то приходится выбирать: изменять ли методологическую концепцию так, чтобы противоречие исчезало, или же «просеивать» множество фактов, отбирая только те, которые согласуются с требованиями методологии, а прочие считать «исключениями» или «капризами», объяснимыми с точки зрения психологии или социологии, но не существенными для рационально мыслящего философа науки. Другими словами, историю науки, по Лакатосу, следует уважать и использовать, но не позволять ей слишком многого. Так дрессировщик в цирке заставляет зрителей верить в то, что дикое животное, совершая требуемые от него трюки, тем самым выражает свою природную сущность. Когда это получается, все довольны, но при неудаче можно подумать о замене дрессировщика.

Исторические контексты необходимы для того, чтобы философия науки не задохнулась на безвоздушной высоте своих абстракций. Они наполняют ее живым и изменчивым содержанием. Но философам науки следует признать, что их собственные *frameworks* могут и должны рассматриваться не как неприкосновенные догмы, а как необходимое снаряжение, которое можно и нужно менять при изменении условий его использования. До каких пределов может идти такое признание, какую цену философия науки готова заплатить за свою «лабильность» и «гибкость» – это вопросы, на которые, скорее всего, нельзя дать заранее приготовленные ответы. Можно только предположить, что философия науки способна к историческому изменению не в меньшей степени, чем сама наука.

Если так, то философии науки присущи те же черты, какие характеризуют науку в ее историческом развитии. Это, помимо прочего, означает, что философия науки способна рефлексировать не только то, что происходит в истории науки, но и свою собственную историю. В этом рефлексивном модусе она сталкивается с необходимостью различения своей реальной истории и рациональной реконструкции последней, хотя нелегко ответить на вопрос, какими методологическими принципами обусловлена такая реконструкция. Если, по Лакатосу, очевидным критерием прогрессивного развития научно-исследовательской программы является способность последней увеличивать свое эмпирическое содержание (расширять круг объясняемых и предсказуемых фактов), то применим ли такой критерий (или некий его аналог) к программам философии науки?

Пока однозначных ответов на такой вопрос нет, довольствуемся поясняющими примерами. Методологические стратегии, разрабатываемые философией науки, часто следуют за фундаментальными изменениями, происходящими в теоретической науке. Так, в филосо-

фию науки вошел эволюционный принцип вслед за созданием эволюционной биологии и эволюционной космологии, принцип взаимосвязи между онтологией и гносеологией «вероятностного мира» – вслед за созданием квантовой физики, синергетические идеи – вслед за исследованиями нелинейных систем. Эти стратегии также проходят свой путь эволюции – от претензий на универсальность к реалистической ограниченности применения. И такая эволюция предстает как последовательность различных проблемных ситуаций и контекстов.

Можно ли сказать, что философия науки всегда лишь следует по стопам науки? Или же предположить, что она способна равноправно взаимодействовать с наукой, возможно, даже в чем-то опережая ход развития последней? Вопросы остаются открытыми. Ограничимся добавлением к афоризмам Лакасто: «Философия науки, взятая вне собственной истории, безжизненна» [Касавин, Порус, 2016, с. 8]. Это и означало бы, что философия науки, принявшая принцип исторического контекстуализма, применяет требования последнего к самой себе.

Социальный и психологический контексты

Значение этих контекстов для философии науки резко возросло после того, как в середине XX в. получила широкое распространение концепция Т. Куна о так называемой «структуре научных революций». В рамках этой концепции ответ на вопрос, почему наука развивается по схеме «монополия парадигмы – накопление аномалий – конкуренция парадигм – переход к господству иной парадигмы», получал социологическое и социально-психологическое оформление. В полемике с «критическими рационалистами» (К. Поппером и др.) Т. Кун писал: «Уже ясно, что объяснение, в конечном счете, может быть психологическим или социологическим. То есть оно может быть описанием системы ценностей, идеологии, вместе с анализом институтов, через которые эта система передается и укореняется. Зная, что представляет для ученых ценность, мы можем надеяться понять, какими проблемами они станут заниматься и какой выбор они сделают в конкретных условиях конфликта. Я сомневаюсь, что надо искать ответ другого типа» [Кун, 2001, с. 566]. То, что здесь названо «конкретными условиями конфликта», составляет содержание различных контекстов, в которых социальные и психологические факторы воздействуют на выбор между конкурирующими теориями, который делают ученые. Еще более сильный акцент на социальные и психологические факторы формирования научного «стиля мышления» был сделан в середине 30-х гг. прошлого века Л. Флеком [Fleck, 1935]. Это встретило отпор со стороны «критических рационалистов», обвинив-

ших своих оппонентов в стремлении превратить «логику научного исследования» в смесь социологических и психологических объяснений реальной исследовательской работы научных коллективов, что расценивалось как измена научному и философскому рационализму.

Критика не была справедливой. Никакой измены не было, а имело место лишь стремление избавить философию науки от чрезмерного нормотворчества по отношению к науке. Эпистемологические понятия, по замыслу Т. Куна и его последователей, должны быть переосмыслены так, чтобы они наполнялись «контекстуальным» содержанием. А это означало, что социологические и психологические объяснения конкретных событий, имевших место в истории науки, следует рассматривать как инструменты анализа этого содержания. Эпистемология, а вместе с ней и философия науки, должны стать сравнительно-историческими, т. е. рассматривать всякое значимое событие в науке (возникновение теорий, обновление интерпретаций эмпирических фактов, развитие методов и т. д.) как то, что подлежит отнюдь не только логическому анализу, но оценке и принятию со стороны «научных сообществ», как их понимал Т. Кун, или «мыслительных коллективов», по Л. Флеку. Поэтому эпистемолог вынужден учитывать весь контекст» таких событий: то, как устроена иерархия научных сообществ, место и роль лидеров и авторитетов в таких сообществах, культурно-исторический фон научного исследования и даже идеологические споры – все это участвует в формировании научных идей и стиля мышления, через призму которого ученые видят объективную реальность. Если философия науки абстрагируется от этих контекстов, она обрекает себя на бесплодное существование в форме отвлеченной теории научной рациональности. К тому же такая теория беззащитна перед напором фактов, противоречащих ее «предвидениям» и объяснениям.

В споре идей бывает, что преувеличение достоинств какой-то из них оборачивается акцентом на ее же недостатки. Крен в сторону социологических и психологических объяснений значимых перемен в науке приводит к расшатыванию таких фундаментальных опор философии науки как «реальность» и «объективность» научного знания. Серьезные трудности и с понятием «истинности». Различные его суррогаты не вызывают доверия ученых и ведут к спорам философов, а попытки вовсе обойтись без него при описании научного процесса еще не приводили к признанному успеху. Отсюда растущая уверенность в том, что социологический и психологический контекстуализм должен использоваться как источник эвристики для реформы, целью которой должно стать наполнение эпистемологии и философии науки социальным и психологическим содержанием и в то же время элиминация крайностей «релятивизма» и «абсолютизма»³.

³ О контрверзе «абсолютизма» и «релятивизма» см.: [Порус, 1999].

Коммуникативный контекст

В этом контексте исследовательский акцент ставится на процесс научной коммуникации. В нем решается вопрос о том, как научное знание возникает благодаря тому, что ученые обмениваются своими идеями, замыслами, подвергают их критике или развивают и поддерживают, а затем признается таковым и приобретает относительно устойчивые оценочные характеристики.

Взятое вне этого контекста, научное знание может исследоваться с точки зрения своей структуры, его отдельные фрагменты могут подвергаться процедурам верификации или фальсификации, сравниваться по когерентности, эмпирической адекватности, практической применимости и т. д. Но сам предикат «научность» может быть приписан знанию только после того, как оно *признано* таковым. И это отнесение знания к науке должно быть результатом коммуникации ученых, а не априорного суждения.

Коммуникативные контексты – это совокупности условий, при которых достигается названный результат. Они могут делиться на две основные группы.

Во-первых, это контексты, возникающие в таких коммуникациях, в ходе которых нет сомнений в рациональности целей и способов их достижения, которыми руководствуются участники. Коммуниканты разделяют и признают определенные критерии рациональности, а если коммуникация в чем-то отклоняется от этих критериев, то она либо прекращается, либо корректируется. Таковы, например, коммуникации между членами научных сообществ (в смысле Т. Куна), разделяющими общие фундаментальные принципы и положения базовых теорий и сообщающие друг другу варианты разработки этих положений, различные решения «головоломки», уточнения данных, детали экспериментальных ситуаций и пр. Если в ходе коммуникаций такого рода выясняется, что какие-то участники ставят под сомнение базовые критерии рациональной дискуссии, она заходит в тупик и ее результаты теряют ценность. Контекстуальный подход к таким коммуникациям помогает выяснить, какие условия благоприятствуют, а какие препятствуют их успешному протеканию; очевидно, что это, прежде всего, социальные, психологические и технологические факторы коммуникативных взаимодействий: организация коммуникации, моральный климат в коммуницирующих группах, успешный менеджмент, авторитет модераторов, чистота информационных каналов и т. п.

Во-вторых, это контексты, характерные отсутствием общего согласия относительно критериев научной рациональности со стороны всех участников коммуникации. Если коммуникация все же необходи-

ма, ученые вступают в нее ради достижения некоторых общих целей. При этом условием успешности такого их общения является устремленность к выработке («изобретению») конвенций относительно того, как устанавливать согласие на рациональной основе. Иными словами, научная рациональность должна рождаться в ходе коммуникации ученых, а не предшествовать ей в виде «априорных» убеждений, правил работы с понятиями, методологических норм и т. д.

Такие ситуации, вообще говоря, почти всегда возникают, когда имеют место практико-ориентированные коммуникации (например, политические дискуссии). Однако и в науке «коммуникативная рациональность» (Ю. Хабермас) – часто выступает как необходимое условие успешного развития той или иной области знания. Для философии науки особенно важны такие контексты, в которых наличие теоретических конфликтов между коммуникантами выступает не как непреодолимое препятствие, а как стимул для выработки новых путей объяснения эмпирических фактов, относительно которых можно прийти к согласию. Хрестоматийными примерами могут служить коммуникации сторонников волновой и корпускулярной теорий электромагнитного и других видов излучения, а также знаменитая дискуссия между А. Эйнштейном и Н. Бором о полноте квантового описания явлений микромира.

Контекстуализм в таких ситуациях означает для философа науки требование учитывать всю совокупность факторов – от когнитивных до социо-культурных и психологических, – воздействующих на процесс выработки «коммуникативной рациональности» как условия успешного продвижения к исследовательским целям. Например, ясно, что расчет на «коммуникативную рациональность» предполагает достаточный уровень этической культуры у коммуникантов: толерантность, уважение к чужому мнению, безоговорочное стремление к консенсусу и т. д. Контекстуальный анализ и должен выяснить, достигнут ли этот уровень или же особые «экстраординарные обстоятельства» сводят его до минимума.

Формой коммуникативного контекстуализма является «социальный конструктивизм» [Бергер, Лукманн, 1995] и его развитие в акторно-сетевом анализе Б. Латура и его последователей [Латур, 2002; Латур, 2014]. Конструктивизм в эпистемологии характеризуется убеждением в том, что «реальность» есть продукт познавательной деятельности. Этим убеждением он оппонирует «реализму», для которого сама познавательная деятельность и ее результаты определяется независимой от них реальностью. Современные конструктивисты (Р. Харре, Н. Луман и др.) пытаются примирить эти убеждения, уместя их в рамки «конструктивного реализма». «Любая конструкция предполагает реальность, в которой она осуществляется и которую она выявляет и пытается трансформировать. С другой стороны, реальность выявляет

ется, актуализируется для субъекта только через его конструктивную деятельность» [Лекторский, 2009, с. 37]. Такое сочетание внешне непримиримых тезисов возможно, если все основные термины, входящие в эту формулу, философски переосмысливаются и наполняются данными специальных наук. Р. Харре считает, что «провал между тем, в чем мы можем быть уверены на основе прямых конкретных данных, и тем, чему мы доверяем» должен быть заполнен социологией знания, обращенной к социальным и психологическим аспектам научных сообществ. «На мнения сообщества влияют открыто заявленные мнения людей, обладающих престижем и, предположительно, компетенцией. Однако со временем эти мнения ставятся под вопрос новыми экспериментами и наблюдениями» [Харре, 2009, с. 78].

Весь этот процесс можно представить как чередование контекстов, в которых социология знания и социальная психология выясняют соотношение факторов, усиливающих или уменьшающих уверенность ученых в реальности исследуемых явлений. При этом остается проблематичным отношение конструктивизма и «конструктивного реализма» к «рациональности» и «объективности». Без сомнения, всякая познавательная деятельность включает в себя конструирование реальности. В этом «конструктивные реалисты» правы. Но конструируются ли оценки результатов конструирования реальности? Последовательный конструктивист должен сказать «да!», но такой ответ сводил бы на нет попытку опереться на «реальность» как на онтологическую предпосылку всякого успешного конструирования! Позиция «конструктивного реализма» чем-то напоминает езду на велосипеде: она сохраняет равновесие только в движении – от одного познавательного контекста к другому, от констатации авторитетных мнений к непрерывной их проверке опытными данными и т. д. Остановки – когда *конструкция* признается *«реальностью»* – возможны только на короткое время, за которое ученые должны успеть подвести некоторые итоги своих усилий, чтобы сразу же вновь начинать движение к цели, определенной их реалистическими устремлениями.

Риск утраты «объективности» научного знания остается и для «конструктивного реалиста». Дело в том, что «реальность» в рамках этой концепции оказывается научно не эксплицируемой онтологической предпосылкой. К реальности направлено конструируемое в научных коммуникациях знание, но сама реальность при этом пассивна, не имея «права голоса», чтобы сказать «да!» или «нет!» в ответ на вопросы, какие ей задают те или иные знаниевые конструкции. А на эти конструкции могут оказывать влияние – в различных познавательных контекстах – социальные и культурные условия, в которых они создаются исследователями. Особенно заметно это влияние в тех контекстах, в которых выбор онтологических схем и предпосылок находится под воздействием доминирующих в данной культуре ценностных

ориентаций. И потому даже реалистически ориентированному конструктивизму трудно избежать релятивизма, точнее, удержаться на грани, которая отделяет релятивизм как методологический принцип от онтологического релятивизма, порывающего с объективностью.

Отсюда желание современных «конструктивных реалистов» ослабить крен к релятивизму, усиливая, так сказать, «объектную сторону» научных коммуникаций. Это заметно в поздних работах Б. Латура. Он придает статус «действателя» («актанта») самим объектам научных исследований, делая их полноправными участниками познавательных процессов. Это, полагает он, сводит к минимуму субъективизм интерпретаций этих процессов и их результатов. Равенство актантов в познавательных ситуациях обусловлено потенциалом реляционных связей с другими актантами, который реализуется в конкретных взаимодействиях или «испытаниях сил» (trials of strength). До того, как потенциал испытан, нельзя отдать предпочтение никаким актантам: они изоморфны, и этот изоморфизм охватывает как исследователей, так и объекты исследований [Callon, Latour, 1981, p. 280].

Тем самым как будто делается очередной шаг в сторону от пресловутого «субъект-объектного дуализма», который считают ответственным за неудачи попыток нахождения «прямых референтов» для конструкций, создаваемых в процессах познания. Однако небесспорное само по себе переопределение роли «нечеловеческих» актантов (nonhumans) вряд ли можно считать победой над оппозицией «субъект-объект». Если nonhumans реализуют свои возможности по образованию отношений с другими участниками познавательных актов, то это должно как-то запечатлеваться в описаниях этих актов. И следует предположить, что такие описания могут быть составлены все же только людьми. Но в таких описаниях более чем вероятны следы влияния на их авторов со стороны социальных и культурных факторов. В то же время nonhumans вряд ли могут активно реагировать на эти влияния, например, противостоять им. Поэтому «равноправие» участников познавательных процессов, даже если о нем говорить в терминах Б. Латура, на уровне описаний этих процессов неизбежно нарушается: роль объектов в научной коммуникации остается метафизически-предположительной, а ее истолкование – контекстуально-ситуативным.

С наступлением современной информационной революции, коренным образом изменившей характер, интенсивность и продуктивность научных коммуникаций, возникло новое проблемное поле философии науки. Трудно предвидеть, какое место в этом поле займут проблемы, которые для своей формулировки все еще требуют классических философских понятий. Глобальные технологии выполняют не только инструментальную роль в процессах научного исследования; они способны изменить фундаментальные представления о связи между наукой и социокультурной средой. В процессы научной комму-

никации теперь быстро и с возрастающим эффектом вмешиваются социальные институты, в том числе политические и экономические. Бесконечно усложняется и само понятие «контекста познавательного действия». Афоризм Б. Латура «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир!» [Латур, 2002] наполняется неожиданным смыслом: современные информационные технологии превращают науку в глобальную лабораторию или, если угодно, акторно-сетевую структуру. В таком мире принцип контекстуализма выходит на авансцену и должен играть все более заметную роль в философии науки.

Аксиологический контекст

Это контекст, в котором важны ценностные регулятивы научного исследования. Такие контексты существовали всегда, но особое значение приобрели с возникновением того, что названо «постнеклассической наукой». Она характеризуется тем, что в научном исследовании учитывается «соотнесенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности» [Степин, 2000, с. 634].

Поскольку очевидна социально-культурная обусловленность таких структур, для контекстуализма здесь открывается широкая перспектива. «Исследования науки как единства знания и деятельности по выработке этого знания вывели на передний край проблему регулятивов познавательной деятельности, т. е. ее ценностно-нормативных предпосылок» [Микешина, 2007, с. 172]. То, что ценностные регулятивы оказывают конкретное воздействие на характер научных процессов, уже стало общим местом в философии науки. Но контекстуализм ведет и дальше: применяя этот принцип, философ смещает фокус внимания на процесс изменения самих ценностных регулятивов под влиянием результатов, какие достигаются наукой и технологией. Культурные ценности не только определяют собой научно-познавательные контексты, но и сами могут испытывать влияние последних. Иными словами, наука воздействует на состояние культуры не в меньшей степени, чем культура – на состояние науки.

Контекстуальное исследование аксиологических взаимовлияний науки и культуры способно разъяснить различия в темпах развития тех или иных научных направлений, вызванные конфликтами ценностей (например, общественным одобрением или осуждением таких научно-технологических новаций, как трансплантация органов человека, отвечающих за его самоидентичность, разработка глобального оружия, применение которого способно изменить условия жизни на планете, средства тотального контроля за поведением индивидов и т. п.).

Аксиологический контекст науки, как правило, связан с *культурным, социальным и политическим* контекстами, между которыми имеет место взаимная «диффузия» составляющих эти контексты событийных элементов и смыслов.

* * *

Названные и другие контексты входят в пересекающиеся проблемные круги философии науки. Философские категории и темы проблематизации (объективность и истинность научного знания, рост и развитие науки, ее культурная функция, научный прогресс, логическое и историческое в культуре и техногенной цивилизации и т. п.) наполняются содержанием, почерпнутым из контекстуальных исследований, а специальные результаты науковедческих дисциплин, занимающихся такими исследованиями, проблематизируются философской рефлексией. Этот процесс неизбежен, но далек от идиллии. Напротив, именно в нем сосредоточивается узел противоречий, которыми волей-неволей должна заниматься философия науки, переходя от контекстуализации проблем (науки) к проблематизации (философской) самих контекстов. Но, как говорил Гегель, *der Widerspruch ist das Fortleitende*: другие пути ей заказаны.

Список литературы

- Бергер, Лукман, 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Касавин, 2008 – *Касавин И.Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон +, 2008. 542 с.
- Касавин, Порус, 2016 – *Касавин И.Т., Порус В.Н.* Философия науки в России: От интеллектуальной истории к современной институционализации // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки.* 2016. Т. 48. № 2. С. 6–17.
- Кун, 2001 – *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ. 2001. 606 с.
- Лакатос, 2008 – *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции // *Лакатос И.* Избр. произведения по философии и методологии науки. М.: Акад. Проект, 2008. С. 203–235.
- Латур, 2002 – *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // *Логос.* 2002. № 5–6. С. 211–242.
- Латур, 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издат. дом ВШЭ, 2014. 384 с.
- Лекторский, 2009 – *Лекторский В.А.* Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // *Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке /* Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Канон +, 2009. С. 5–40.

- Майданов, 2007 – *Майданов А.С.* Методология научного творчества. М.: УРСС, 2007. 512 с.
- Микешина, 2007 – *Микешина Л.А.* Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007. 439 с.
- Полани, 1985 – *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
- Порус, 1999 – *Порус В. Н.* Парадоксальная рациональность: очерки научной рациональности. М.: РАО, 1999. 122 с.
- Степин, 2000 – *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
- Тулмин, 1984 – *Тулмин С.* Человеческое понимание. Т. 1. М.: Прогресс, 1984. 328 с.
- Флек, 1999 – *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, 1999. 220 с.
- Харре, 2009 – *Харре Р.* Конструкционизм и основания знания // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+, 2009. С. 64–102.
- Хилл, 1965 – *Хилл Т. И.* Современные теории познания. М.: Прогресс, 1965. 533 с.
- Agassi, 1996 – *Agassi J.* The Philosophy of Science Today // *Routledge History of Philosophy, v. IX. Philosophy of Science, Logic and Mathematics in the 20th Century* / Ed. by S. Shanker. L.: Routledge, 1996. P. 235–265.
- Callon, Latour, 1981 – *Callon M., Latour B.* Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macro-Structure Reality and How Sociologists Help Them Do So // *Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro- and Macro-Sociologies* / Ed. by Knorr-Cetina K, Cicourel A. L.: Routledge & Kegan Paul, 1981. P. 277–303.
- Dewey, 1929 – *Dewey J.* The Quest for Certainty. A Study of the Relation of Knowledge and Action. L.: George Allen & Unwin LTD., 1929. 300 p.
- Dewey, Bentley, 1949 – *Dewey J., Bentley A.* Knowing and the Known. Boston: Beacon Press, 1949. 209 p.
- Fleck, 1935 – *Fleck L.* Einführung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. Basel: Benno Schwabe & Co, 1935. 190 p.
- Toulmin, 1976 – *Toulmin S.* History, praxis and the «third world». Ambiguities in Lakatos' theory of methodology // *Essays in memory of Imre Lakatos. Boston studies in the philosophy of science. Vol. XXXIX* / Ed. by Cohen R.S., Feyerabend P.K., Wartofsky M.W. Boston: Dordrecht 1976. P. 655–676.

References

- Agassi, J. “The Philosophy of Science Today”, in: Shanker S. (ed.). *Routledge History of Philosophy, v. IX. Philosophy of Science, Logic and Mathematics in the 20th Century*. London: Routledge, 1996, pp. 235–265.
- Berger, P., Luckmann, T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Traktat po sotsiologii znaniya. [The Social Construction of Reality: A treatise in the sociology of knowledge]. Moscow, Medium, 1995. 323 pp. (In Russian)]

Callon, M., Latour, B. “Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macro-Structure Reality and How Sociologists Help Them Do So”, in: Knorr-Cetina K., Cicourel A. (eds.). *Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro – and Macro-Sociologies*. London: Routledge & Kegan Paul, 1981, pp. 277–303.

Dewey, J. *The Quest for Certainty. A Study of the Relation of Knowledge and Action*. L.: George Allen & Unwin LTD., 1929. 300 pp.

Dewey, J., Bentley, A. *Knowing and the Known*. Boston: Beacon Press, 1949. 209 pp.

Fleck, L. *Einführung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv*. Basel: Benno Schwabe & Co, 1935. 190 pp.

Fleck, L. *Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva* [The emergence and development of a scientific fact: Introduction to the theory of the style of thinking and the thinking collective]. Moscow: Idea-Press, 1999. 220 pp. (In Russian)

Harré, R. “Konstruktivizm i osnovaniya znaniya” [Constructionism and the Foundations of Knowledge], in: Lektorski, V.A. (ed.). *Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke* [Constructivist Approach in Epistemology and the Humanities]. Moscow: Kanon +, 2009, pp. 64–102. (In Russian)

Hill, T. I. *Sovremennye teorii poznavaniya* [Modern Theories of Knowledge]. Moscow: Progress, 1965. 533 pp. (In Russian)

Kasavin, I. T. *Text. Discourse. Context. Introduction to the social epistemology of language*. Moscow: Canon +, 2008. 542 pp. (In Russian)

Kasavin, I. T., Porus, V. N. “Filosofiya nauki v Rossii: Ot intellektual'noi istorii k sovremennoi institutsializatsii” [Philosophy of Science in Russia: from Intellectual History to Modern Institutionalization], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, vol. 48, no. 2, pp. 6–17. (In Russian)

Kuhn, T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST, 2001. 606 pp. (In Russian)

Lakatos, I. “Istoriya nauki i ee ratsional'nye rekonstruktivnyye” [History of science and its rational reconstruction], in: Lakatos, I. *Izbrannyye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected Works in Philosophy and Methodology of Science]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2008, pp. 203 – 235. (In Russian)

Latour, B. “Daite mne laboratoriyu, i ya perevernu mir” [Give me a laboratory and I will raise the world], *Logos*, 2002, no. 5-6, pp. 211–242. (In Russian)

Latour, B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: an introduction to Actor-network theory]. Moscow: HSE Publ., 2014. 384 pp. (In Russian)

Lektorski, V. A. Realizm, antirealizm, konstruktivizm i konstruktivnyi realizm v sovremennoi epistemologii i nauke [Realism, anti-realism, constructivism and constructive realism in modern epistemology], in: Lektorski, V.A. (ed.). *Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke* [Constructivist approach in epistemology and the humanities]. Moscow: Kanon+, 2009, pp. 5–40. (In Russian)

Maidanov, A. S. *Methodology of scientific creativity* [Methodology of science]. Moscow: URSS, 2007. 512 pp. (In Russian)

Mikeshina, L. A. *Epistemologiya tsennostei* [The Epistemology of Values]. Moscow: ROSSPEN, 2007. 439 pp.

Polanyi, M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii* [Personal knowledge. Towards a postcritical philosophy]. Moscow: Progress, 1985. 344 pp. (In Russian)

Porus, V. N. *Paradoksal'naya ratsional'nost': ocherki nauchnoi ratsional'nosti* [Paradoxical rationality: essays of scientific rationality]. Moscow: RAO, 1999. 122 pp. (In Russian)

Stepin, V. S. *Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical Knowledge. Structure, Historical Evolution]. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 744 pp. (In Russian)

Toulmin, S. "History, praxis and the «third world». Ambiguities in Lakatos' theory of methodology", in: Cohen R. S., Feyerabend P. K., Wartofsky M. W. (eds.). *Essays in memory of Imre Lakatos. Boston studies in the philosophy of science. Vol. XXXIX*. Boston: Dordrecht 1976, pp. 655–676.

Toulmin, S. *Chelovecheskoe ponimanie* [Human Understanding: The Collective Use and Evolution of Concepts]. Moscow: Progress, 1984. 327 pp. (In Russian)